

повести: „Даже и до днесь нераздельно державство Иверьское пребывает“.¹

М. Н. Сперанский и Я. Цинцадзе склонны отнести сочинение повести к середине XVI века, к эпохе царствования Ивана IV, когда идея централизованной царской власти достигает наибольшего развития. К такому выводу их приводит анализ идейной направленности „Повести о Динаре“.

Многочисленность списков „Повести“ подтверждает ее актуальность для своего времени. Интересно, что „Казанский летописец“ вкладывает ссылку на поведение царицы Динары, взятую из повести о ней, в речь Ивана IV, обращенную к войску накануне взятия Казани в 1552 году. Время написания „Казанского летописца“ — примерно 1564—1566 годы. Старейшая редакция из дошедших — 1570—1571 годов. Примечательно, что только в редакции 1584 года появляется эта ссылка из „Повести о Динаре“, в более ранних редакциях она отсутствует.²

Несколько слов относительно авторства повести. М. Н. Сперанский, учитывая идейную направленность повести, а также ее иноземный сюжет, предполагает, что „Повесть могла возникнуть в наиболее образованной тогдашней правительственной среде, не чуждавшейся, как известно, и непосредственного участия в литературе: отсюда «литературный» стиль Повести, показывающий в ее создателе человека, по своему времени литературно образованного и обладающего привычкой обращаться с литературным материалом; может быть, это был какой-нибудь из чиновников посольской избы, которому в силу его занятий приходилось иметь дело с приходившими в Москву грузинами, который, быть может, даже знал и по-грузински. Так, приблизительно можно представить себе происхождение у нас «Повести о Динаре»“.³

Мы склонны думать, что автор повести должен был принадлежать к тому кругу образованных книжников, писателей и публицистов, которых объединил вокруг себя митрополит Макарий.

„Это была своеобразная академия XVI в., — пишет И. У. Будовниц, — члены которой были погружены в разнообразные научные и литературные занятия. Они писали жития святых, составляли капитальные научные труды, занимались живописью, разрабатывали социально-политические проблемы“.⁴

Но убедительность этого сравнения пропадает, если мы обратимся к Василию: „Явилась и Тамара. Узрела их (т. е. воинов). Она тоже оставалась несколько дней, чтобы принять участие в молебствиях. Потом сказала им: «Братья мои, пусть не затрепещут от страха сердца ваши, если их такое множество, а вас — мало, потому что с нами бог. Вам приходилось слышать о Гедеоне и о трехстах его воинах и о бесчисленном множестве мадиамитян, им истребленных. . .»“ (см.: В. Д. Дондуа. Василий, историк царицы Тамары, стр. 51).

¹ Этот довод не кажется нам очень убедительным. Во-первых, распад Грузии был длительным процессом, который воспринимался современниками как временные распри между наследниками. Окончательно Грузия распалась к началу XVI века. Во-вторых, послы Александра безусловно должны были стараться представить своего царя правителем всей Грузии; в русской летописи нет указаний на то, что Александр является местным правителем („Тое же зимы прииде посол к великому князю из Иверския земли от князя Александра, именем Мурат“). В-третьих, после посольства 1492 года никаких сношений с Грузией, по видимому, не было. В-четвертых, автор „Повести о Динаре“ старался провести определенную тенденцию. Для того чтобы представить централизованное государство долговечным и неизбежным, он мог и поступиться исторической правдой.

² Этим сведением мы обязаны Г. Н. Моисеевой, автору кандидатской диссертации о „Казанском летописце“.

³ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности, стр. 83.

⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 194.